

**Е. Н. Проскурина**

*Институт филологии СО РАН  
Новосибирск*

**К истории неосуществленных замыслов  
В. Зазубрина\***

В статье речь идет о двух нереализованных замыслах сибирского писателя XX в. В. Зазубрина. Это романы «Щепка» и «Золотой баран». Роман «Щепка» писался на основе созданной в 1923 г. одноименной повести, посвященной проблеме «красного террора» в Сибири. После того, как повесть не была принята к печати ни в Сибири, ни в Москве по причине натуралистичности кровавого сюжета, Зазубрин взялся за ее переделку. Постепенно она разрасталась в роман. Отрывки из него писатель читал даже на встрече с работниками ГПУ в 1928 г. Однако рукопись произведения оказалась утерянной, и в настоящее время невозможно определить, как изменился сюжет «Щепки», что нового внесено в него автором в сравнении с опубликованным текстом повести. Другой замысел, роман «Золотой баран», должен был стать первой частью задуманной писателем романной трилогии. Из трех произведений создано было только одно: роман «Горы», посвященный теме коллективизации Алтая. Его Зазубрин представлял второй частью трилогии. «Золотой баран» он намеревался посвятить монгольской теме. Однако затянувшаяся работа над «Горами» не дала возможности осуществиться этому замыслу, несмотря на то, что у Зазубрина был собран большой материал о Монголии на основе поездки туда и знакомства с известными монголоведами А. В. Бурдуковым и Б. Я. Владимирцовым. Таким образом, если в сфере проблемы неосуществленного замысла роман «Щепка» может принадлежать к области как недописанного, так и недошедшего до публикации произведения, то роман «Золотой баран» относится к произведениям ненаписанным. Но в обоих случаях осуществлению творческих замыслов помешала трагическая развязка судьбы Зазубрина, арестованного в 1937 г. и вскоре расстрелянного в подвалах Лубянки. Возможно, материалы к обоим произведениям хранятся в спецхране архивов НКВД и еще ждут своего часа быть обнаруженными.

*Ключевые слова:* Государственный архив Новосибирской области, сибирская литература XX в., В. Зазубрин, неосуществленный замысел, тема «красного террора» в Сибири, монгольская тема в русской литературе.

---

\* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Правительства Новосибирской области в рамках проекта № 18-412-540003 ««Паралипоменон» сибирской литературы XX века в архивах и книжных собраниях Новосибирской области».

*Проскурина Елена Николаевна* – доктор филологических наук, главный научный сотрудник сектора литературоведения Института филологии СО РАН (ул. Николаева, 8, Новосибирск, 630090, Российская Федерация, proskurina\_elena@mail.ru)

Неосуществленный замысел произведения – одна из интригующих проблем истории культуры и литературы, в частности <sup>1</sup>. Трудно найти автора, в наследии которого не нашлось бы названий, заметок, набросков к ненаписанному произведению. Один из аспектов проблемы – недошедшее / утерянное произведение. В творчестве В. Зазубрина мы встречаемся с обоими вариантами данного феномена. К утерянным и, вероятно всего, недописанным произведениям принадлежит роман «Щепка», к ненаписанным – роман «Золотой баран».

Наиболее загадочна история романа «Щепка», писавшегося по канве созданной в 1923 г. одноименной повести, посвященной проблеме «красного террора», на основе реальных впечатлений Зазубрина от кровавых будней Сибчека <sup>2</sup>. В разделе «Хроника» второго номера журнала «Сибирские огни» за 1928 г. дана краткая информация о том, что «В клубе Н-ской дивизии ГПУ с докладом “Чека и ГПУ в литературе” выступил т. Зазубрин, впервые прочитавший отрывки из нового своего романа “Щепка”». После того как в 1923 г. был написан первый вариант повести, она читалась в литературных кругах не только Сибири, но и Москвы, куда ее привез соратник Зазубрина по журналу «Сибирские огни» В. Правдухин с согласия самого писателя. Издание повести не было поддержано ни «сибогневцами», ни редакцией московской «Красной нови». После этого Зазубрин решается на переработку «Щепки», пишет новую редакцию, пробует расширить сюжет до границ романа. В середине 1920-х гг. в очередной поездке в Москву он познакомил с рукописью Ф. Дзержинского, о чем сообщил в одном из писем Горькому 1928 г.: «Я работаю над вещью, в которой ставлю вопросы, связанные с работой того учреждения, которое возглавлял покойный Феликс Эдмундович. Он читал мою повесть в первой редакции и сказал, что она еще зелена и печатать ее рано. Теперь эта повесть выросла в роман» [Литературное наследство Сибири, 1972, с. 255]. Скупые, отрывочные сведения о работе над «Щепкой» содержатся в письме В. Зазубрина Ф. Березовскому: «“Щепку” свою я, безусловно, буду расширять, перерабатывать. Большое Вам спасибо за критические замечания об ней. В них есть мысли верные и нужные. ... А читали ли Вы ее во второй редакции? <...> Провал “Щепки” хлестанул меня по карману... Но я ведь упрямый – без штанов, а писать буду. “Щепку” же буду перedelывать непременно, если бы даже ее и напечатала Москва» [Там же, с. 358–359]. Уточняющие сведения даны в примечании к этому письму, сделанные сибирским критиком Н. Яновским: «Повесть “Щепка”, как явствует из письма, и во второй редакции была отклонена редколлегией “Сибирских огней”. Не появилась она и в “Красной нови”, хотя В. Вегман в воспоминаниях писал: “Теперь Зазубрин рад, что повесть в свое время не была напечатана, теперь он сам ее находит не вполне удачной. Сейчас он занят совершеннейшей проработкой темы, легкой в основу “Щепки”. ... Вплоть до 1928 г. Зазубрин работал над романом “Щепка”. Рукопись не сохранилась» [Там же, с. 361]. Нет сомнения в том, что на встрече с сотрудниками ГПУ в 1928 г. Зазубрин читал переработанные главы «Щепки», ибо, как верно замечает В. Яранцев в книге о Зазубрине, «трудно представить, как в такие накаленные борьбой с Троцким и оппозицией дни можно было читать публично, перед самим ГПУ, о том, какими кровавыми палачами и сумасшедшими они являются» [Яранцев, 2012, с. 445]. Первая публикация в журнале «Сибирские огни» (1989, № 2) и последовавшие за ней книжные републикации воспроизводят вариант повести,

<sup>1</sup> Попытка рассмотреть проблему с разных сторон предпринята коллективом уральских литературоведов в цикле монографий о творческой неудаче, творческом кризисе и феномене незавершенного произведения. См.: [Proskurina, Silantuyev, 2018].

<sup>2</sup> История общения с Сибчека довольно подробно изложена Зазубриным в «Заметках о ремесле» (Сибирские огни, 1928, с. 241–252).

датированный по рукописи 1923 г., где жесткий сюжет еще не подвергнут кардинальной правке.

Не менее интригующая и история обнаружения самой повести «Щепка». Хотя первым ее публикатором был Н. Яновский, роль первооткрывателя принадлежит томской исследовательнице Р. И. Колесниковой, о чем она впервые подробно написала незадолго до смерти в своих воспоминаниях: «Отдел рукописей Государственной библиотеки им. Ленина. Сегодня я здесь последний день. Уже вечер, пора уходить. Пересмотрено всё, что как-то могло касаться моих забот. Напоследок, без особых надежд, ещё несколько фондов, не литераторов, а просто так или иначе имевших отношение к “Сибогням” середины 20-х. И вот... О-о, “рукописи не горят”?! Но не радость, не восторг-ликование, а что-то вроде подступивших рыданий перехватило горло. “Зазубрин В. Я. Щепка. Повесть. Ф. 9, папка № 5, ед. хр. 217, л. 1–62”. И здесь же: “Правдухин В. П. Повесть о революции и личности. Ф. 9, папка № 5, ед. хр. 216, л. 1–4”... Листы папиросной бумаги, какого-то слеповатого экземпляра машинописи через цветную копирку. Повесть “Щепка” одного цвета. И приложенное к ней предисловие критика В. Правдухина – другого. <...> Неприятно-горько помнить собственную наивность, с которой я откликнулась на просьбу Н. Н. Яновского. Об архивных находках и известных мне адресах он узнал от моего коллеги С. Парамонова, публиковавшегося тогда в “Сибогнях”, и прислал мне одно за другим изысканно дипломатичные золочёные письма. И я запросто отдала ему всё для совместной публикации. (Мне-то ведь тоже доверяли и А. Топоров, и Я. Диман, и все-все, к кому я обращалась). Яновский тогда, ещё глазам своим не веря, вскочил со стула, с пачкой моих карточек в руках, и со счастливым трибунным пафосом восклицал: “Да мы же с вами мир потрясём! Мы литературную Сибирь заново откроем!! Ваша публикация, мои комментарии!..”. Вполне обошёлся без меня. (“Ну, а кто вы такая? Откуда я знаю, на что вы способны? У меня ...дцать монографий, а ваших книг я пока не видел”). Это было подло. Мир покачнулся и почернел. Но теперь я уверена, и справедливости ради должна сказать, что лучше, чем Яновский, в те времена никто бы не сумел утвердить повесть в литературе ещё 20 века. Он как замредактора журнала “Сибирские огни” и пр. и пр. получил права на публикацию, заручился поддержкой вдовы, сестры, оставшихся в живых коллег Зазубрина, мобилизовал интерес авторитетных писателей. И на излёте советской власти “Щепка”, с его предисловием и комментариями, была опубликована в Новосибирске, Красноярске (с предисловием В. П. Астафьева), Иркутске, Омске... Не удивлюсь, если это с его подачи зарубежное радио (“Голос Америки”? “Свобода”?) подготовило и транслировало впечатляющий радиопрофильм по мотивам “Щепки”» [Колесникова, 2007, с. 427]<sup>3</sup>.

В хранящейся в Новосибирском государственном архиве переписке Н. Яновского<sup>4</sup> писем Р. И. Колесниковой, как и карточек с указанием фонда Отдела рукописей Библиотеки им. Ленина (РГБ), нами не обнаружено. Возможно, это лишь часть наследия, которую сам Яновский посчитал нужным сохранить. Хотя справедливости ради следует отметить, что еще до публикации повести в полном тексте статьи Яновского «Несобранные произведения Владимира Зазубрина двадцатых годов», напечатанной в восьмом номере «Сибирских огней» за 1971 г. (в сокращенном варианте статья опубликована во втором томе «Литературного

<sup>3</sup> На радио «Свобода» повесть «Щепка» действительно была прочитана в апреле 1989 г. Ю. Паничем, см.: Словесность, растворённая в эфире: 30 лет программе Радио «Свобода» «Экслибрис». Интервью. *Textura*. URL: <http://textura.club/clovesnost-rastvoryonnaya-v-efire/> (дата обращения 07.02.2019).

<sup>4</sup> ГАНО. Ф. Р-272.

наследства Сибири)), есть краткое сухое примечание: «Повесть “Щепка” обнаружена Р. Колесниковой. См.: «Рукописный отдел Библиотеки им. В. И. Ленина. Ф. 9, п. 5, ед. х. 217» (Сибирские огни, 1971, с. 166). Вопрос о том, был ли известен самой Р. И. Колесниковой этот факт, остается нерешенным. В опубликованных ею воспоминаниях ответа на него нет. По всей вероятности, ее переписка с Яновским после того, как им были получены все необходимые материалы, прекратилась. Оставим открытой эту интригу и перейдем к другому неосуществленному намерению Зазубрина, имеющему малую известность среди исследователей творчества писателя.

Опубликованный в журнале «Новый мир» в 1933 г. (№ 6–9) роман «Горы», по замыслу Зазубрина, должен был стать второй частью трилогии. Первую часть писатель намеревался посвятить монгольской теме. Причем изначально эта тема входила в масштабный, но оставшийся также неосуществленным проект Горького «История гражданской войны», куда из сибиряков он, кроме Зазубрина, привлек А. Фадеева, Вс. Иванова, В. Шишкова. Зазубрин предлагал Горькому привлечь к этой работе монголоведа А. В. Бурдукова<sup>5</sup>. Вот как он видел свой замысел в целом, о чем писал Горькому в августе 1931 г.: «Весной съездить в Монголию вместе с преподавателем Института восточных языков А. В. Бурдуковым (его перевод пьесы с монгольского, помните, Вам понравился в “Сиб [ирских] огнях”?)<sup>6</sup>). Человек этот – активный участник гражданской войны в Монголии (с нашей стороны) и, кроме всего прочего, по-монгольски говорит, читает и пишет, как по-русски. Он в Монголии собрал бы воспоминания монголов, а я бы – русских... В Монголию... буду стараться проехать в 32-м г., т.к. “Горы” есть вторая книга трилогии. Первая на монгольском материале – строительство интернационала, вторая, известная Вам, – строительство колхоза и совхоза, третья – постройка или перестройка семьи, дома. Я Вам уже порядочно рассказывал, чем располагаю для книги на монгольском материале, но мне хочется еще раз там побывать» [Литературное наследство Сибири, 1972, с. 276]. В Монголии Зазубрин был летом 1926 г. по приглашению Бурдукова, с которым познакомился годом раньше в Новосибирске. «Прекрасный знаток и друг Монголии, Бурдуков давно мечтал возбудить в ком-либо из русских литераторов интерес к этой стране», – пишет в статье «В. Я. Зазубрин и Монголия (из истории советско-монгольских литературных связей)» Е. М. Даревская [1971, с. 175]<sup>7</sup>. В начале 1930-х гг. Бурдуков так опишет свои впечатления о Зазубрине по следам их путешествия: «...Мне удалось привлечь талантливого беллетриста Владимира Яковлевича Зазубрина, который совместно со мной проехал по Монголии и Танну-Туве в 1926 году. Он собрал богатый материал и теперь работает над книгой о Монголии» [Бурдуков, 1969, с. 134].

Из приведенной цитаты видно, что именно в этой поездке и начал у Зазубрина формироваться замысел первой части романной трилогии. Рабочее название «монгольского» романа было «Золотой баран». Над ним писатель намеревался работать в Ленинграде, о чем можно судить из письма Бурдукова, датированного июнем 1929 г.: «Вы приедете на зиму к нам и будете писать... монгольскую

<sup>5</sup> А. В. Бурдуков (1883–1943) – российский и советский монголовед, собиратель предметов монгольского быта, рукописей, ксилографов, карт, образцов лингвистического и этнографического материала.

<sup>6</sup> Речь идет о переводе Бурдуковым пьесы монгольского писателя Банзаракчи «Многочисленные преступления и ошибки монгольских сановников, князей, чинов и простолюдинов, совершённые во время великих мировых смут: монгольская революционная пьеса-хроника на злобу дня в 4-х действиях», опубликованной в первом номере журнала «Сибирские огни» за 1928 г.

<sup>7</sup> Авторизованная рукопись статьи хранится в Новосибирском государственном архиве в фонде Н. Н. Яновского: ГАНУ. Ф. Р-272. Оп. 1. Ед. хр. 185. Л. 61 – 68 об.

вещь» [Литературное наследство Сибири, 1972, с. 370, примеч. 9]. Однако исполнение замысла затягивалось на годы. В письме Бурдукову 1935-го г. Зазубрин уверял адресата: «В этом году я хочу обязательно кончить “Горы” и немедленно взяться за “Барана”. Для этого хотел бы с Вами съездить еще раз в Монголию... Монгольскую книгу буду писать одну – не более 10–12 листов. Вообще больше затягивать не буду» [Там же, с. 378]. Но и в этом случае творческое намерение осуществить не удалось: как писал Зазубрин многим своим корреспондентам, его «затянула» работа над «Горами». Как видно из приведенного письма Бурдукову, даже после публикации в «Новом мире» Зазубрин продолжал работу над текстом этого романа. 1 июня 1935 г. он пишет Горькому:

«С особой теплотой я вспоминаю последние несколько дней, проведенных у Вас в Горках. Вы дали мне столько, сколько могут дать несколько томов самых умных и нужных книг. Мой роман от этого пребывания у Вас идейно сильно вырос. Я работаю сейчас, можно сказать, с упоением. Забываю все за письменным столом.

В Вашем доме я встретился с М. И. Бурским, человеком, работы которого дали мне возможность познакомиться со всей мировой историей агрокультуры<sup>8</sup>. В романе у меня теперь все наши сельхозмероприятия оказались на прочном фундаменте агрономической мысли всего мира» [Литературное наследство Сибири, 1972, с. 341].

Таким образом, конец работы над «Горами» отодвигался все дальше<sup>9</sup>. Прерван он был новым замыслом, вновь с подачи Горького, – на этот раз пьесы, посвященной созданию Всесоюзного института экспериментальной медицины (ВИЭМ). Первое ее название – «Человеческие обязанности», в дальнейшем измененное в «Подкоп»<sup>10</sup>.

Замысел пьесы также имел не принявшую отчетливой формы связь с монгольской темой. В ВИЭМе, где существовала «тибетская комиссия», предполагалось создать отдел тибетской медицины. В очерке «История одного подкопа», посвященном работе ВИЭМа и ставшем творческим заданием к пьесе, Зазубрин отмечал, что «институт использует в своей работе опыт не только западной, европейской медицины, но и восточной – индусской, тибетской, китайской и др.» [Литературное наследство Сибири, 1972, с. 155]. Однако это направление не получило развития, о чем Зазубрин пенял в письме Горькому в 1935 г.: «В то время, когда мозг Ваш так безукоризненно работает, легкие и прочие сосуды не поспевают. Следует их подтянуть. И вот тут мне не обойтись без обличений... Обличаю апостола здравоохранения Льва<sup>11</sup>. Он тормозит развертывание отдела тибетской медицины в ВИЭМе, а между тем одни тибетцы только в состоянии выправить Вам дыхание и вообще сделать Вам надбавку к положенному количеству лет ровно на полтора десятка... ведь в Тибете человек в 60 лет выглядит, как наш в 40... Очень бы хотел, чтобы наше правительство подарило Вам ко дню Вашего рождения отдел

<sup>8</sup> М. И. Бурский (1903–1944) – агротехник, доктор сельскохозяйственных наук. «Агрономическая мысль всего мира» представлена в вышедшей под его редакцией книге: [Катон..., 1937].

<sup>9</sup> Даже в апреле 1937 г., незадолго до ареста, Зазубрин продолжает работу над «Горами», о чем сообщает в письме писателю В. Д. Ряховскому: «Лето наступило. Тепло. Из земли все прет. Я пишу “Горы”. Наконец-то взялся за ум. Для “Гор” мне необходимо побывать в яблочных местах» [Проскурина, 1994, с. 65].

<sup>10</sup> Пьеса долгое время считалась утерянной. В РГАЛИ ее обнаружил сибирский критик В. Яранцев. С его предисловием «Подкоп» был впервые опубликован в журнале «Сибирские огни» в 2018 г.

<sup>11</sup> Л. Н. Федоров (1891–1952) – ученый-физиолог, директор ВИЭМ с 1932 по 1938 и с 1945 по 1948 г.

тибетской медицины ВИЭМа, не на бумаге, а всерьез, с полным штатом настоящих врачей, таких, при которых Бадмаев<sup>12</sup> будет играть роль, примерно, ротного фельдшера, не больше» [Литературное наследство Сибири, 1972, с. 335]. О свойствах тибетской медицины Зазубрин, несомненно, узнал в своей поездке по Монголии, а также из бесед с друзьями-монголооведами, которые наверняка владели знаниями о монгольской медицине, имевшей глубинные связи с традиционной медициной Тибета. Поворот Зазубрина к медицинской теме, обогащенной этномедицинским направлением, подводит к тому выводу, что вряд ли сюжет «Золотого барана» ограничился бы только Гражданской войной и «строительством интернационала». Наверняка в нем нашлось бы место и приобретенным писателем данным о духовной культуре монгольского народа, его сокровенных знаниях.

Сведения о разработке Зазубриным монгольской темы находим в его переписке с этнографом Е. Н. Орловой: «На днях я схоронил своего нового приятеля (сошелся с ним этой зимой<sup>13</sup>, а знаком с 27-го года), академика Б. Я. Владимирцова<sup>14</sup>. (Монголовед). Ученый с мировым именем, молодой (47 лет), и мыслил, как поэт. Он много дал мне для монгольской вещи. Думал ли я, в последнюю встречу с ним, что через несколько дней буду сидеть в его кабинете, и рыдающая жена его разложит передо мной все, что было у него интересного – дневники, письма. Она просит меня сделать из этих материалов (смонтировать) книгу (Дневники – путешествие по Монголии и Китаю)» [Там же, с. 388]. О том, что все материалы Владимирцова были переданы Зазубрину, следует также из письма его жены, В. П. Зазубриной-Теряевой, адресованного дочери А. В. Бурдукова: «Писать по-настоящему о ней [о Монголии] он не писал, но материалов о его поездке в Монголию у него было много: и свои впечатления, и наблюдения, и то, что говорил о ней Ваш папа и академик Владимирцов... Владимир Яковлевич очень с ним дружил. Его жена (Владимирцова) отдала все материалы мужа Владимиру Яковлевичу с тем, чтобы он их смонтировал в книгу, не свою, а как книгу Владимирцова» (4.X.1966) [Там же, с. 370–371]. Судьба этих материалов неизвестна. Возможно, их следует искать в архивах НКВД. Книга Владимирцова, как и «монгольский» роман, по всей вероятности, осталась лишь в замысле писателя. При обилии собранного им материала, включающего ценнейший архив Владимирцова, это, по замечанию Е. Даревской, могла бы быть «поистине “Золотая книга”» [Даревская, 1971, с. 182]. Можно лишь сожалеть, что мечтам Зазубрина о «Золотом баране» так и не суждено было осуществиться.

Если в сфере проблемы неосуществленного замысла роман «Щепка» может принадлежать области как недописанного, так и недошедшего до публикации произведения, то роман «Золотой баран» относится к произведениям ненаписанным. В последнем случае на нереализованность замысла повлиял недостаток времени, работа над другими произведениями, т. е. это был отложенный замысел, который Зазубрин не успел осуществить в связи с арестом и гибелью в 1937 г. (как и публикация книги Владимирцова). Роман «Щепка», на наш взгляд, не был завершен из-за его несвоевременности. Пробуксовка работы была вызвана трудностями переделки первого жесткого варианта сюжета до уровня подцензурности. Возможно, чувствуя нависшую над ним опасность ареста, Зазубрин уничтожил уже написанные главы. Хотя столь же вероятно, что его рукопись, как и материа-

<sup>12</sup> Н. Н. Бадмаев (1879–1939) – племянник и ученик известного тибетского врача П. А. Бадмаева. Инициатор создания в ВИЭМе отдела восточной медицины.

<sup>13</sup> Письмо датировано 28 августа 1931 г.

<sup>14</sup> Б. Я. Владимирцов (1884–1931) – российский востоковед, монголовед, академик АН СССР. Автор работ по монгольскому языкознанию, литературе, а также истории и этнографии монгольских народов. См.: [Владимирцов, 1934; 2002; 2003; 2005].

лы к книге о Владимирцове, хранится в спецхране архивов НКВД и еще ждет своего часа быть обнаруженной.

### Список литературы

- Бурдуков А. В.* В старой и новой Монголии. Воспоминания. Письма. М.: Наука, 1969. 418 с.
- Владимирцов Б. Я.* Общественный строй монголов. Монгольский кочевой феодализм. Л.: Наука, 1934. 224 с.
- Владимирцов Б. Я.* Работы по истории и этнографии монгольских народов. М.: Вост. лит., 2002. 560 с.
- Владимирцов Б. Я.* Работы по литературе монгольских народов. М.: Вост. лит., 2003. 608 с.
- Владимирцов Б. Я.* Работы по монгольскому языкознанию. М.: Вост. лит., 2005. 952 с.
- Даревская Е. В. Я.* Зазубрин и Монголия (из истории советско-монгольских литературных связей) // Книга братства. Улан-Батор, 1971. С. 175–182.
- Катон, Варрон, Колумелла, Плиний. О сельском хозяйстве / Под ред. М. И. Бурского. М.; Л.: Огиз-Сельхозгиз, 1937. 302 с.
- Колесникова Р.* В ошалевшей от горя России... (О повести Зазубрина «Щепка») // Каменный мост. Литературно-художественный альманах. Томск, 2007. С. 420–444.
- Литературное наследство Сибири. Новосибирск: Новосиб. кн. изд-во, 1972. Т. 2. 444 с.
- Проскурина Е. Н.* Неопубликованные письма В. Я. Зазубрина // Гуманитарные науки в Сибири. 1994. № 4. С. 61–67.
- Яранцев В.* Зазубрин. Человек, который написал «Щепку». Новосибирск, 2012. 752 с.
- Proskurina E., Silantyev I.* «I Studied Crisis...»: The Phenomenon of the Unfinished as a Literary Trilogy (*Проскурина Е., Силантьев И.* «Я кризис изучил...»: монографические труды о творческой неудаче / кризисе / феномене незавершенного как литературоведческая трилогия) // *Quaestio Rossica*. 2018. Vol. 6, no. 3. P. 891–903.

**E. N. Proskurina**

*Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences  
Novosibirsk, Russian Federation*

#### **To the History of Unfulfilled Plans of V. Zazubrin**

The article deals with two unrealized plans of the Siberian writer of the twentieth century V. Zazubrin. These are the novels “Sliver” and “Golden Ram”. The novel “Sliver” was written on the basis of the story of the same name created in 1923, devoted to the problem of the “red terror” in Siberia. The story was not accepted for publication either in Siberia or in Moscow because of the naturalism of the bloody plot. After that, Zazubrin took up her mess. Gradually, it grew into a novel. The writer read excerpts from it even at a meeting with the workers of the GPU in 1928. However, the manuscript of the work was lost. At present it is impossible to determine how the plot of “Sliver” has changed, what’s new in it by the author, in comparison with the published text of the story. The novel “Golden Ram” was to be the first part of the novel trilogy conceived by the writer. Of the three works, only one was created: the novel «Mountains». It was dedicated to the collectivization of the Altai. His Zazubrin represented the second part of the trilogy. The novel “Golden Ram” he intended to devote to the Mongolian theme. However, the protracted work on

the “Mountains” did not allow this plan to be realized, despite the fact that Zazubrin had a lot of material about Mongolia based on a trip there and acquaintance with well-known experts of Mongolia A. V. Burdukov and B. Ya. Vladimirtsov. Thus, if in the sphere of the unrealized idea, the novel «Sliver» can belong to the field of both unfinished and unfinished work, then the novel «Golden Ram» refers to the unwritten works. In both cases the implementation of creative ideas was hindered by the tragic outcome of Zazubrin’s fate, who was arrested in 1937 and soon shot in the basements of Lubyanka. Perhaps the materials for both works are stored in the special protection of the archives of the NKVD and are still waiting to be discovered in the wings.

*Keywords:* State Archive of the Novosibirsk Region, Siberian literature of the twentieth century, V. Zazubrin, unrealized intention, theme of the “Red Terror” in Siberia, Mongolian theme in Russian literature.

### References

Burdukov A. V. V staroy i novoy Mongolii. Vospominaniya. Pis'ma [In the old and new Mongolia. Memories. Letters]. Moscow, Nauka, 1969, 418 p. (in Russ.)

Darevskaya E. V. Ya. Zazubrin i Mongoliya (iz istorii sovetsko-mongol'skikh literaturnykh svyazey) [V. Ya. Zazubrin and Mongolia (from the history of Soviet-Mongolian literary connections)]. In: Kniga bratstva. Ulan-Bator, 1971, p. 175–182. (in Russ.)

Katon, Varron, Kolumella, Pliniy. O sel'skom khozyaystve [Caton, Varro, Columella, Pliny. About agriculture]. Moscow, Leningrad, 1937, 302 p. (in Russ.)

Kolesnikova R. V oshalevshey ot gorya Rossii... (O povesti Zazubrina «Shchepka») [In Russia, dumbfounded by grief... (About the story of Zazubrin «Sliver»)]. In: Kamennyi most. Literaturno-khudozhestvennyy al'manakh [A stone bridge. Literary and artistic almanac]. Tomsk, 2007, p. 420–444. (in Russ.)

Literaturnoye nasledstvo Sibiri [Literary heritage of Siberia]. Novosibirsk, Novosibirskoye knizhnoye izdatel'stvo, 1972, vol. 2, 444 p. (in Russ.)

Proskurina E. N. Neopublikovannyye pis'ma V. Ya. Zazubrina [Unpublished letters of V. Ya. Zazubrin]. *Gumanitarnyye nauki v Sibiri*, 1994, no. 4, p. 61–67. (in Russ.)

Proskurina E., Silantsev I. «I Studied Crisis...»: the Phenomenon of the Unfinished as a Literary Trilog. *Quaestio Rossica*, 2018, vol. 6, no. 3, p. 891–903.

Vladimirtsov B. Ya. Obshchestvennyy stroy mongolov. Mongol'skiy kochevoy feodalizm [The social structure of the Mongols. Mongolian nomadic feudalism]. Leningrad, Nauka, 1934, 224 p. (in Russ.)

Vladimirtsov B. Ya. Raboty po istorii i etnografii mongol'skikh narodov [Works on the history and ethnography of the Mongolian peoples]. Moscow, Vostochnaya literatura, 2002, 560 p. (in Russ.)

Vladimirtsov B. Ya. Raboty po literature mongol'skikh narodov [Works on the literature of the Mongolian peoples]. Moscow, Vostochnaya literatura, 2003, 608 p. (in Russ.)

Vladimirtsov B. Ya. Raboty po mongol'skomu yazykoznaniyu [Works on Mongolian linguistics]. Moscow, Vostochnaya literatura, 2005, 952 p. (in Russ.)

Yarantsev V. Zazubrin. Chelovek, kotoryj napisal «Shchepku» [Zazubrin. The person who wrote the «Sliver»]. Novosibirsk, 2012, 752 p. (in Russ.)

*Elena N. Proskurina* – Doctor of Philology, Chief Researcher of the Section of Literary Studies of the Institute of Philology of the Siberian Branch of Russian Academy of Sciences (8 Nikolayev Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation, proskurina\_elena@mail.ru)